

Источник публикации:

Никитина, Татьяна. Василь Быков и Гродно [Электронный ресурс] // Блог Гродно s13. – Режим доступа: http://s13.ru/archives/701?fbclid=IwAR1ho1VLCQ6yLNMjpXFJuEMXndu2zKAaaskL5DO39kf_EBT8ZXGWDGc7xu8. – Дата доступа : 05.09.2019. – на рус. яз.

Каждый из прошедших дорогами войны – это отдельная книга, но далеко не всем удалось ее написать, оставить потомкам. Василь Быков – один из тех, кто сделал это – и за себя, и за все военное поколение. Жизнь и судьба предназначили ему эту миссию. Впервые в коллектив людей пишущих Быков попал в Гродно. Он приехал в этот город 23-летним в лейтенантской гимнастерке, как раз в День Победы, и остался на три десятилетия. Почти все это время он работал в редакции «Гродненской правды». Быков не был журналистом, хотя кое-что на потребу дня писать приходилось, а вот очерки и рассказы начинающего писателя, как потом и отрывки из повестей, не раз украшали страницы областной газеты. Слышала историю о том, как гродненский художник и фронтовик Иван Пушкин, заслушиваясь захватывающими рассказами о войне нового приятеля, потрясенно и задумчиво вздыхал: «Писать тебе надо!..» Скоро такое время пришло. Анна Тимофеевна Лебедева, работала в «Гродненской правде» литсотрудником отдела писем в одно время с Быковым, они практически ровесники, год разницы. Недавно, перебирая свой нехитрый архив, женщина наткнулась на старое редакционное фото, на котором запечатлен и Быков, и подумала: «Надо бы отнести в музей...» Гродненские энтузиасты после смерти писателя насобирали много вещей и документов, принадлежавших Быкову, его книги, рукописи и редкие фото, и все это бережно хранят в маленькой комнатенке, именуемой музеем. Лучшего помещения у города, очевидно, нет, как нет пока и мемориальной доски Быкову, и улицы его имени. Заглянув в самодеятельный музей, о котором мало кто знает, я увидела первую пишущую машинку писателя, исчерканную им рукопись «Сотникова», но больше всего взволновал меня блокнот – очень простой, с логотипом «Гродненской правды», такие выдавали всем сотрудникам. Были

аналогичные в свое время и у меня. Но держать в руках и листать блокнот Быкова – это что-то! На желтоватых страничках — план задуманного рассказа, имена героев, их характеристики, рисованные наброски... — Вот в здании «Гродненской правды» и уместно было бы сделать музей Быкова и других писателей, — подает идею Анна Тимофеевна, с которой мы встретились и разговорились. — Мне посчастливилось работать не только с Василием Быковым, но и с Алексеем Карпюком, с поэтами Михасем Васильком и Петрусем Макалем. Молодой Быков пришел к нам из художественных мастерских, работал поначалу ретушером, потом в секретариате. А однажды всех удивил, выступив на летучке. Видимо, ему поручили сделать обзор газеты, он подошел к этому добросовестно и устроил такой разнос!.. Тщательно разобрал стиль, орфографию, грамматику и многих заставил покраснеть. Это было неожиданно. Образования необходимого у многих не было. А у него, видимо, врожденное чутье языка, причем и белорусского, и русского. Газета тогда выходила на двух языках, два тиража печатали. А говорил Быков в основном по-русски, после фронта это было неудивительно. В «Гродненской правде» в разные периоды ее существования всегда находился Дон-Кихот, пытавшийся вступить за чистоту языка. Но основная масса коллег во главе с редактором не чувствовала погрешностей. И борец с безграмотностью оставался белой вороной. Так случилось и с Быковым. — Но зато после того случая, — продолжает моя собеседница, — Быкову поручили корректировать статьи журналистов. Он вычитывал материалы, подготовленные к печати, и постепенно сам начал писать. «Большую часть моего рабочего дня, — вспоминал о том времени сам Быков (здесь и далее цитирую его книгу «Доўгая дарога дадому», перевод мой – Т. Н.), — занимал перевод на белорусский язык российских материалов, переданных по телетайпу агентством БелТА. Все они были немаленькие по размеру – разные постановления, речи, конечно, с пометкой «срочно в номер», и мне приходилось диктовать их машинистке... Иногда писал что-нибудь по мелочи в раздел информации. А как-то в выходной «накрэмзал» первый рассказ о последнем дне войны. Замредактора А. Соловьев прочитал и сказал: очень значительно! Скупая его похвала дала веру в какие-то собственные способности». Однако первой газетной публикацией значится в официальной библиографии писателя другой рассказ — «В первом бою», занявший полполосы в воскресном выпуске «ГП» за 19 июня 1949 года. Это

уже солидное повествование о первом и последнем бое молодого лейтенанта Николая Бережного, бросившегося под немецкий танк. Очень психологично, с подробными переживаниями и мыслями бойца. Наверняка то были ощущения самого Быкова. В день публикации автору рассказа исполнилось ровно 25. — Как мы отмечали дни рождения и праздники? — повторяет мой вопрос Анна Тимофеевна. — Обычно именинник накрывал стол, и ближе к вечеру начиналось веселье. Молодежи было много, конечно, флиртовали, тем более что работать приходилось и вечером, и ночью. На гармошке играли, пели, танцевали, а случалось, и носы разбивали — из-за любви. 1 Мая и 7 ноября напряженно работали: сами делали репортажи, принимали отчеты о празднике из районов и тассовские материалы. Летом у нас в редакции подрабатывали студентки пединститута, с филфака, была среди них и Наденька. Первым на нее загляделся Киркевич, был у нас такой знаток языка, сын священника, очень строгих правил. А потом — Быков... Он и отбил Наденьку, женился на ней, вместе они уехали служить на Дальний Восток и пробыли там долго, больше 6 лет. Там у офицера-артиллера Быкова родился старший сын Сергей, как раз на 23 февраля, и сослуживцы предрекли — быть пацану военным! Так и вышло. Младший сын Василий тоже подгадал дату, умудрившись появиться на свет ровно в день рождения отца, но уже в Гродно. Когда вернулись с Курил, назад в «ГП» Быкова брать не хотели — мол, беспартийный, дал понять новый редактор Василий Булай. Всю зиму безработный Быков жил в маленькой квартирке без удобств на улице Подгорной над Неманом, оставаясь один с сыном, пока жена уходила на работу в школу, что-то писал и рвал написанное. Наконец, выбрав один рассказ, отнес в редакцию литконсультанту Михасю Васильку. Тот пообещал обсудить его на заседании литкружка, куда пригласят автора. Кружковцы учинили Быкову полный разгром. «Плохо во всех отношениях» — заключили они. Но весной благодаря заместителю редактора Андрею Соловьеву («добрая душа!» — говорил о нем Быков) его все же взяли в секретариат. Ответственным секретарем был тогда Андрей Колос, ставший со временем редактором «ГП», а потом и республиканской «Сельской газеты». Обязанности у Быкова были те же, что и 7 лет назад: вычитывать телетайпные строчки, править переводы с русского на белорусский и наоборот. Соловьев подсунул ему толстенный учебник стилистики для заочников, Быков основательно проштудировал книжку и ну править шедевры коллег-

журналистов! Те возмущались, и скоро он махнул рукой на их грамотность. Работавшая в отделе культуры Ирина Суворова предложила Быкову сделать материал по квартирной жалобе. За воскресенье он накатал небольшой фельетон «Седьмое вселение». В ближайшую субботу его опубликовали. Я нашла тот номер за 16 июня 1956 года. Очень милый текст, в духе то ли Андерсена, то ли Чехова – повествование идет от имени девочки, которая уже не в первый раз вместе с родителями пытается въехать в новую квартиру – и все безуспешно. И только концовка – в духе партийной журналистики: «...Пределы слоновьего равнодушия к людям и волокиты со стороны работников горжилуправления до сих пор не поддаются определению. А жаль. Всему есть предел». Под этим подпись – Василий Быков. Не исключено, что ударный абзац доводил до ума редактор. — Потом он писал и очерки, — вспоминает Анна Тимофеевна, — героев находил сам. Помню о хирурге Ничипорукe, лекарe-травникe Малышко, о виртуозе- парикмахере. Постепенно мы узнавали, что Быков публикует свои рассказы в журналах «Маладосць», «Полымя», в ЛіМе, в других республиканских и центральных газетах. «Гродненская правда» выпускала свои альманахи прозы и поэзии, где печатался и Быков. Мы видели, что он умница, что перо у него зрелое. Когда опубликовал свои первые повести «Журавлиный крик» и «Третья ракета», мы и не удивились сильно – этого стоило от него ожидать. Когда умер Василек, Быкова перевели на его место литконсультантом, он готовил для газеты литературные страницы, работал с авторами. А вот в университет рабселькоров – выступить перед слушателями — его было не затянуть. Один раз все же уговорила. Просят его из зала: — Расскажите, как пишете. Быков: — Ну, как? Беру бумагу, карандаш и пишу... Говоруном он не был и о войне никогда не рассказывал, не бахвалился. Все в себе носил, глубоко. Очень содержательный человек. И застенчивый, скромный. Возможно, мужчины в тесном кругу и делились воспоминаниями, фронтовиков в редакции хватало: Денисов, Краснянский, Попов, Костин, Лысков, Тронза... Уже после «Альпийской баллады» и одноименного фильма, после скандальной, доставившей ему немало неприятностей повести «Мертвым не больно» и не менее оспариваемого «Круглянского моста», разгромленного в «Огоньке» и поддержанного в «Известиях», Быков продолжает заниматься довольно рутинной работой в редакции, готовя обзоры литературного творчества местных авторов, публикуя

собственные заметки с выставки молодых художников, знакомя читателей с маршрутами предстоящей поездки по Гродненщине белорусских писателей или рассказывая о драматурге Андрее Макаенке, выдвинутом гродненскими текстильщиками в Верховный Совет. Подается все это в сдержанном информационном стиле, без художественных красот и вольностей. Рассуждения, утверждения и выводы Быкова не противоречат официальной идеологии. «Тема Ленина — огромна для литературы...» — признает он в обзоре стихов «С именем Ленина в сердце» 24 мая 1969 года. А последнюю публикацию в «Гродненской правде» 14 февраля 1976 года «Ясно сознавая свой долг...» тоже заканчивает вполне в духе времени: «... литераторы Гродненщины в знаменательные дни перед XXV съездом КПСС полны желания и решимости внести достойный вклад во всенародное дело строительства коммунизма в нашей стране». Кто истинный автор этих пролеткультовских фраз — Быков или редактор, остается только предполагать. По воспоминаниям А. Т. Лебедевой, когда писателя стали клеймить, порочить, цеплять за военные повести и перипетии фронтовой биографии, это его испугало. Могла осаживать его в литературной смелости и жена Надя. Семье это было совсем не на пользу. Когда однажды Быков обнаружил, что в его книжном шкафу все перевернуто, пропали важная книга и письма — все военной тематики, сказал: «Не думаю, что это домработница...» Так зародилось подозрение, что его пасут... В 1972 году Василь Быков возглавил Гродненское отделение Союза писателей и ушел из редакции. Пройдет время и уже после «Альпийской баллады» и одноименного фильма, особенно после повестей «Мертвым не больно» и «Круглянский мост», доставивших ему немало неприятностей, атмосфера вокруг Быкова меняется. Свое положение в редакции в последние годы сам Быков оценивал так: «...я попал в черную полосу литературно-политических издевательств, когда гродненское начальство и немало кто из коллег-писателей и журналистов начали проявлять ко мне неприязнь... Мне никто никогда, даже секретарь редакционной партийной организации, не сказал, что он на моей стороне. Хотя тоже был ветеран войны, бывой фронтовик. Некоторые порой говорили в глаза, что они против моей «писанины», большинство, правда, мудро молчало. ...Стена отчуждения между мной и редакционным коллективом росла все больше. Должность моя оставалась прежней — литературный консультант, однако оплату мне установили сдельную

— начали платить только за ответы авторам. За месяц набегали копейки. Друзей там у меня не было, не с кем стало даже поговорить или выпить...» Впрочем, сердечной привязанностью в газете все годы оставалась для него Ирина Суворова, литсотрудник отдела культуры, часто первый читатель его рассказов и повестей, бравшая на себя труд печатать их на машинке. Познакомились они, когда будущая журналистка приехала на практику в «Гродненскую правду». — Еще студенткой, — рассказывает Анна Тимофеевна, — Ирина вышла замуж. Пока муж заканчивал учебу в Минске, она уже работала в Гродно. Потом они разошлись... В 1952-м у Ирины родился сын Сергей, а у меня — Игорь. В тот год вся редакция рожала, и у всех, словно сговорились, появились на свет пацаны — у Колоса, у Синилова, в приемной у Литвиненко!.. — весело припоминает Анна Тимофеевна. — Потом и Быков приехал с Курил с маленьким Сережкой. Все мы были молодыми родителями. Так и сдружились, через детей. Ходили друг к другу в гости на детские дни рождения. Хотя больше Ира дружила с Соней Лайхтман, тоже из нашей редакции. Когда Быков уже переехал в Минск, подходит ко мне как-то его бывшая домработница Катя и говорит: «А почему вы к нему не едете? Он ведь вас любит!» Я опешила, но быстро сообразила, что она перепутала меня с Ирой. Быков поздно понял, что в спутницы жизни ему нужна такая женщина, как Ирина, которая во всем его поддерживала, подбадривала, вселяла уверенность. Ей было 52 года, когда она перебралась к нему в Минск, после серьезных раздумий. Дети к тому времени у обоих были уже взрослые. Первое время мы с Ириной переписывались, обменивались поздравительными открытками, Быков на них то зайчика пририсует, то еще что-нибудь смешное, а потом свыклись с разлукой, как-то сама собой установилась дистанция. В 1981 году я навестила их в Минске, Быков составил нам план экскурсий, съездили на кладбище к могиле Машерова, там неподалеку похоронена тетка Ирины, пробежались по рынку, сходили в цирк. Вечером Ирина напекла блинов с яблоками. «Ешь, ешь, — приговаривал Быков, — у Ириши вкуснее, чем у Адамовичихи...» Он ее всегда Иришей называл. Провожали меня вдвоем, Ирина удивилась: «Обычно никого не ходит провожать!..» На вокзале к ним сразу кто-то подошел — узнали. Это был последний раз, когда я видела Василя Быкова. ...Пройдя с боями пол-Европы и впервые увидев красивейшие города с богатой архитектурой, Быков после войны вновь вернулся в свою деревеньку,

потом очутился в начисто разоренном Минске, а, попав оттуда в мало разрушенный Гродно, был очарован его старинными храмами, замками, даже брусчаткой улиц. То впечатление от уюта старого города, сохранившего черты западной культуры и средневековья, крепко запало в душу. И даже когда, уже не раз побывав в Москве и других роскошных столицах, он мог делать сравнения не в пользу небольшого провинциального городка, Быков продолжал с удовольствием и гордостью демонстрировать наезжавшим сюда собратьям по перу гродненские изюминки. Неман он называл самой впечатляющей рекой из всех, какие когда-либо видел. Здесь был причал, у которого швартовалась его моторка. Писатель обожал рассекать неманскую волну, любуясь крутыми лесистыми берегами. Долгие годы этот город и «Гродненская правда» были жизненным причалом Василя Быкова. Насколько важным, знал только он сам.